

Про себя

Ну что вам рассказать о себе? Так, чтобы избежать названий и признаков? А ведь это так заманчиво: ничейный человек на ничейной земле, нагая личность, сбросившая шелуху конкретного бытия. Я однажды так завела себе еще один ЖЖ: чтобы без имен и примет, некто, где-то, когда-то. Безумно интересно – что от тебя останется в итоге. Я вот стихи пишу. Так в них тоже примет времени мало. К чему бы это? Вот, кое-что вы обо мне уже знаете: я пишу стихи. Какие – сама не знаю, иногда кажется – хорошие, иногда – фуфло. В любом случае, оценивать не мне. Еще я много чего делаю и еще больше не делаю. Ибо ленива. А жаль. Если говорить о главных понятиях в моей жизни, пожалуй, будут: свобода, любовь, творчество. Причем, несомненно, взаимосвязано: любовь в свободе, творчество в любви и т.д. Жизненный идеал – чтобы все это было. И еще – дерево в окне. Без этого – никак.

Про воспоминания

Как-то не могу. Иногда мне кажется, что воспоминаний как таковых не существует. Вокруг нас – мир ассоциаций и реминисценций, но не воспоминаний. Писать некие последовательные мемуары – это не про меня. Память – не прямая кишка, и нет такой клизмы, которая помогла бы вывалить наружу содержимое. Но бывает – ухватишь за нить – и вот все новые и новые узелки прошлого воскресают, живые и нетронутые временем. Короче говоря, печенье Мадлен. Вот так. Я живу сегодняшним днем. Я не знаю иногда, что было вчера, даже если вчера было хорошо. Сегодня – да, могу сказать: день с запахом грозы и сирени. Ко мне приходил ученик, который, рассказывая скороговорки, икал старательно, специально, конечно. Такой выдумщик! Я покупала газеты и сдувала пушинки с одуванчиков. А еще слышала птичку, которую по голосу не смогла определить. Ой, птичку я как раз вчера слышала. А что вчера? Было хорошее пиво и еще более хорошие люди, был вечер на набережной и смех до колик в животе. Ой, нет, это как раз было позавчера. А вчера я видела шествие одноглазых – в травматологии.

Про поездки

В детстве я уверенно чувствовала, что поездки – от слова «поезд». Потому что – поезда. Недалеко от нашего дома – железная дорога, и тихими летними ночами, когда окна открыты, я слышу стук колес. В детстве он означал самое удивительное – путешествия, то есть, перемену места, предвестие больших, желанных перемен. Сейчас я езжу куда чаще, чем раз в год, но стук колес для меня по-прежнему – магический звук.

О том, что помню? Я ничего не могу последовательно описать, поэтому порой пыталась фиксировать путевые впечатления сразу по приезде. Не для анналов – для себя. Есть фотографии, есть то, что меняет в нас каждый прожитый день, и меняет тем сильнее, чем более полноценно он прожит, а где ты живешь более насыщенно, чем в поездках?

Могу лишь сказать, что я видела и пережила. Пусть немного – для меня и это ценно. Я видела город. Там замок на холме, и тысячелетние подвалы, и мощи святого. Там живые статуи на площади и уличные музыканты, а клубника такая же вкусная, как и у нас. Там механические часы с боем во дворике университета, где когда-то жил великий ученый. И Леонардо в музее. И зеленые лесные дали. Мы катались на брочках, ели гуляш и пели песни у костра.

Я видела степь, в месте, которое для меня – почти Родина. Желтые курганы, остов завода, заброшенные Доты, изгороди, заросшие ежевикой и степной орел, высматривающий загулявшего зайца. Синее море – море. Запах разогретой травы и йода. Корабли.

Я видела горы. Там, под буками, бегут чистые и прохладные ручьи, там на плоских плато гуляет ветер. Оттуда днем можно увидеть синеву моря на юге и зелень холмов на севере, а по ночам – огни городов. Мы ели землянику, видели оленей и прятались от лесников. Я там потеряла кепку и носок, зато нашла развалины древнего города.

Я видела и другие горы. Там неделями в долинах лежит туман, а на круглых, похожих на лысины, вершинах даже в июле – промозглый ветер. Там темные ели окружают колдовское озеро. Там пасутся овцы и облака. Там мы пели, бредя в тумане. Там мы с девочками тащили огромное бревно. Там вкуснейшая в мире черника и огромные комары.

Я видела город. В нем нынче мечтает побывать каждый романтик и полуромантик постсоветского пространства. Ничего к его вечным образам я добавить нового не могу – они, наверное, для всех там побывавших почти такие же: облака над Невой, картины Рембрандта, фонтаны Петергофа, белочки в Павловске, дворики Васильевского острова... Зато для меня еще были люди: чудесные люди, с которыми я ездила, и не менее замечательные, у которых мы гостили. А еще – как во всех поездках – случайные встречи. Малайская семья в очереди в Эрмитаж, удмуртский уборщик на вокзале, чудаковатый саксофонист ночью на площади, подвыпивший велосипедист... Если вас учат кататься на велосипеде в полшестого утра около Дворцовой площади, не факт, что научитесь, но запомнится вам это наверняка!

Было еще много городов, поездов, людей... И все же – меньше чем хотелось бы. Жизнь втискивает тебя в какие-то рамки, да ты и сам себя порой ограничиваешь – особенно обязательствами перед людьми.

Но одно знаю наверняка – закон неповторимости. Ты можешь бывать в городе многократно, но ТАКОЙ город для тебя будет только один. Так же, как бывает только один ТАКОЙ праздник, ТАКАЯ зима, даже ТАКОЕ утро. Остальные – не хуже, просто они иные. Самое напрасное – пытаться это повторить, воскресить впечатления. Людей при этом не ждет ничего, кроме разочарования. Просто лучше хранить ТАКОЙ город и ТАКОЙ день про себя, не ассоциируя его с реально существующим. Хотя реальность может быть не хуже.

Про политику

У меня к политике странное отношение. В 11-12 лет я в ней разбиралась очень неплохо. В 15-16 я ей интересовалась, у меня были четко выраженные симпатии-антипатии, я могла переживать по этому поводу. В 19 я могла еще что-то доказывать. В 20 – как рукой сняло. Во многом повлияло то, что стала общаться с людьми противоположных

взглядов. И мне, безусловно, приятнее общаться с интересным оппонентом, чем с ограниченным «соратником». Так что политики для меня, по сути, нет. Есть люди: хорошие и дурные, честные и нечестные, умные и не очень. Так что для нормального функционирования государства возможно 2 варианта: реальный вариант правового государства, где все решает закон, минимально зависящий от личных качеств государственных чиновник, или виртуально возможный вариант, в котором ключевая роль отводилась воспитанию политической элиты, включающему в себя не только образование, но и этическое воспитание личности. Лучше всего – когда все это вместе, ибо понятно, что жизнь меняется и то же законодательство нуждается в модернизации.

В целом, я считаю, без должной оценки квалификации и труда людей, имеющих дело с людскими жизнями – врачей и учителей – общество обречено гнить и расшатываться. Вообще, я про политику писать не хотела – просто первое, что пришло в голову из тем для «рассуждений».

По-моему, любая политическая и общественная жизнь, которую мы вроде бы наблюдаем, - лишь поверхность океан. Да, там происходят бури и штилы, и эти бури могут грозить гибелью, но под поверхностью – еще километры непознанной водной толщи. Это – наше сознание, наша суть, наши отношения с собой, с другими людьми, с миром, с Богом. Самое удивительное и самое страшное происходит именно там.

Про звуки

А по сути – про тишину. Про пратишину, из которой рождаются все звуки. Настоящий звук – он выплывает из тишины, он полнится тишиной, как туча – влагой, чтобы потом грянуть ливнем.

Я люблю тишину – не глухую тишину заткнутых ушей – а иную, живую тишину древнего леса, гулкую тишину раннего утра, когда весом и отчетлив каждый звук.

Мы ведь разучились слушать музыку лишь потому, что разучились слушать тишину. Можете поспорить со мной: сейчас почти все слушают музыку! Но слышат ли? Нет. Могут говорить об этом, как музыкант. Потому что человек, действительно слушающий музыку, слушающий слова и мелодию песен, гармонии и инструментовку, не будет воспринимать ее «фоном». А сейчас этот фон всюду – в транспорте, в кафе, в офисах, из соседних окон – звуки, звуки, сливающиеся, превращающиеся в монотонный шум, благодаря которому можно отключиться, забыться, не думать. Вот оно – не думать. Замолчишь – задумаешься. Страх паузы в разговоре. Страх немого и прямого взгляда. Страх мысли. Это и есть страх тишины. И более всего – страх мысли о грядущей тишине. Я считаю, что, раз задумавшись, человек не может не подумать о смерти. То есть: страх тишины – страх смерти. А откуда в такое оголтело суматошное время – возрастающий страх смерти, которая грозит нам не более чем век-два назад? Может быть, страх смерти – это страх напрасности, суетности всего, к чему «положено» стремиться? Чтобы не столкнуться лицом к лицу с собственной тщетой, закрывают не глаза – уши, занавешиваются свистом, визгом, грохотом, дребезгом, вылетающим из колонок. Иногда я хочу в лес – туда, где твой голос не более весок, чем птичий щебет, где твои шаги – лишь часть безмерного бытия, не более значимая, чем зудение пролетающей мушки. Не более, но и не менее. Где ты наедине с собой и с Богом.

Текст 21

Автор: admin

19.09.2010 14:36 -
